

ну мира наших соотечественников, в которой концепт «Вера» реализуется преимущественно только в сфере «человек-человек» — это убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-нибудь. Разумеется, это сугубо светский аспект; традиционное содержание концепта, связанное со сферой человека и Божества, выхолащено советской идеологией.

Хочу всем пожелать, несмотря ни на какие трудности, не терять веру в счастливое будущее. Когда у человека есть вера, он может преодолеть все, но потеря ее может быть убийственной. Душа у ребенка сохранилась чистой и вера непоколебимая («Рабочая газета». № 4/2007). В приведенном примере из текста политического дискурса, как видно, не идет речь о вере в Бога.

В такой трактовке нам этот концепт представляется обедненным в содержательном отношении, для политического дискурса он не является актуализированным и не входит в ядерную часть светской картины мира. Для секулярного мировоззрения данная аксиологическая категория не является доминантной, что, на наш взгляд,

обусловлено, помимо утраты веры в Бога, еще и разочарованием в различных общественных реалиях: политическом строе, государственной власти, крушением коммунистических, а затем демократических иллюзий.

Литература:

1. Бейлинсон, Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.С. Бейлинсон. — Волгоград, 2001. — 18 с.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 555 с.
3. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
4. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин // Системные исследования. — М.: Наука, 1986. — 464 с.
5. Питина, С.А. Лингвокультурология: краткий курс лекций / С.А. Питина, Л.А. Шкагова. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. — 105 с.
6. Токарев, Г.В. Дискурсивные лики концепта: Монография / Г.В. Токарев. — Тула: Изд-во Тул. ун-та, 2004. — 325 с.

Русаков В.М.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Марксизм рассматривает общество как сложноорганизованную систему, в которую вовлечены наделенные сознанием и волей люди, а также вещи. Он стремится показать многостепенные сложно организованные цепи опосредований и опосредствований, которыми связаны происходящие процессы и участвующие в них люди.

Многостепенные и сложные опосредствования ведут к двум важным следствиям: к *замещениям* и *вытеснениям* а это, в свою очередь, является причиной конечного *превращения формы* протекающих процессов. В результате, взаимосвязи, составляющие сущность системы, многократно опосредуясь, вытесняются и замещаются, что приводит в итоге к превращению формы данной системы и она становится нераспознаваема с точки зрения сущности ее, иначе говоря, сущность системы начинает проявляться столь опосредованно, что «уходит с поверхности явлений» и ее открытие превращается в загадку, тайну.

Необходимость такого описания социальных процессов и систем, понятное дело, диктовалась

размежеванием с примитивно-механистическим истолкованием социальной жизни, с одной стороны, и с мистификацией ее в терминах одной лишь духовности и субъективно-психологической жизни – с другой. Роль опосредствований выполняют не только вещи, но и люди, а также их представления. Поэтому несостоятельна как вещно-механистическая картина этих процессов, так и субъективно-психологическая. Маркс писал: «действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения порождает все новые формы, в которых все более теряется нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают самостоятельное существование по отношению друг к другу, а составные части стоимости заостеневают в самостоятельные одна по отношению к другой формы»¹. После такого превращения, отмечает он, вовлеченные в процесс индивиды иначе смотрят на него: «Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой (действительной, сущностной – В.Р.), а, напротив, в извращенной форме»².

В то же время, эти превращения довольно легко усваиваются обыденным сознанием, которое апеллирует к ним как к наличной реальности, совершенно не заботясь о судьбе сущности (как не заботились люди о законе тяготения тысячи лет наблюдая различные формы его проявления – падающие на землю вещи и висящую в небе луну), несмотря на то, что сущность в них извращена, затемнена и вытеснена («с поверхности явлений»). Маркс подчеркивает отношение к этому участников процесса и тем самым формулирует принципиальной важности проблему: «Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум несколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного... В формах проявления,

лишенных внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя, как рыба в воде»³. Еще раз обратим внимание на это указание Маркса, что обыденное сознание не различает рациональности и иррациональности, ибо внутренняя сущностная связь стерта и нераспознаваема, замешена, а, значит, для него вытеснена из сферы непосредственно очевидного и доступного опыту обыденного сознания. Поэтому-то сущность можно постичь только опосредованно, в понятиях, теоретическим разумом и только им исследована. Только в теоретическом понятийном мышлении возможно различение рационального и иррационального.

Это следует понимать так, что рассудочное обыденное сознание ухватывает не рациональность или иррациональность, а какие-то их необходимые, но недостаточные признаки. Например, формально-логическая правильность и непротиворечивость являются необходимыми, но недостаточными признаками, как и алогизм и противоречивость вовсе не являются обязательными и тем более достаточными признаками иррациональности. Для рассудка истины науки парадоксальны и противоречат данным повседневного опыта (постоянство ускорения свободного падения *теп* на землю вне зависимости от веса, шарообразность Земли гелиоцентрическая система и т.д.,) в том смысле, в каком подметил еще Гегель, а затем и Маркс: «В этом случае справедливо то, что Гегель сказал относительно известных математических формул, то, что обыденный человеческий рассудок находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность»⁴ (18), а с другой стороны, рассудок может вращаться в кругу иррациональных, но вполне привычных представлений и форм деятельности. Маркс вновь и вновь возвращается к этой ситуации, заостряя внимание на отчужденных, как он подчеркивает, формах проявления сущностных связей. Поэтому нас не может удивлять обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они *prima facie* принимают нелепый характер и полны противоречий, – а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно

совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная политэкономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными»⁵.

Мы сталкиваемся здесь с весьма сложной и острой проблемой: понять противоречивость и нелепость таких форм можно только при анализе их с помощью средств теоретического мышления, но сами по себе теоретические средства (понятия, категории, теории) не являются индикаторами рациональности или иррациональности. Поэтому-то с их помощью может осуществляться псевдорационализация стереотипов обыденного сознания, зачастую носящих в принципе иррациональный характер. И связано это, по мнению Маркса, с тем, что отображение сущностной связи явлений и процессов является сложнейшей задачей (раскрытие тайны), так как она не просто не дана непосредственно, но подвергается многоступенчатым превращениям, содержащим замещения и вытеснения ряда посредствующих элементов. Острота познавательной проблемы оказалась связана с тем, что сам познающий субъект является участником познаваемых процессов и потому характер включенности его в изучаемые связи и отношения вещей и явлений существенно предопределяет итог постижения сущности, а, следовательно, рационализации представлений о ней. Например, постоянно подчеркивает Маркс, трудность изучения сущности капитала состоит в том, что «... вся сфера (капитала) есть сфера конкуренции, в которой, если рассмотреть каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности, и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства»⁶.

Там, где сущностная связь не скрыта под слоями опосредствований, непосредственные участники процесса производства способны

ее осознавать, сознательно действовать в соответствии с ней. Но такая благоприятная познавательная ситуация, очевидно, есть вещь достаточно редко встречающаяся, а в случае с познанием процессов, совершающихся в обществе, тем более исключительная. Более сложные крайние случаи состоят в том, что опосредствования ведут к превращениям взаимосвязей так, что принципиально меняются местами причина и следствие, начало и конец, цель и средство, условие и результат и т. п., — являя совершенно фантастическую картину.

Часто опосредствование настолько усложняется и разрастается, что проявляется «непосредственное» в виде тождества указанных категорий, ибо опосредствование выпало из поля зрения участников процесса. Вот почему одним из признаков иррационального является чистая непосредственность — выступает ли она в виде мистической интуиции, вдохновения, экстатического озарения, чудесного явления и т. п., с помощью которых предполагается прямой прорыв к сущности, минуя слои опосредствования. Рациональность поэтому всегда дискурсивна, в дискурсивности раскрываются слои и уровни опосредствований. Иррациональность часто кроется там, где склонны полагать что-то самоочевидным, само собой разумеющимся, не нуждающемся в специальном разъяснении и обосновании. Фундаментальная методологическая подозрительность к такого рода самоочевидным (непосредственным) данностям совершенно оправдана. В этих формах слишком часто скрывается навязываемый неконтролируемый схематизм связи определенного рода при ближайшем рассмотрении часто оказывающийся вполне иррациональным (невыразимость одного в другом), что в последующем разрешении этого противоречия могло приводить, например, к раскрытию целой новой предметной области, скрытой ранее от рефлексии. Как правило, такой продуктивной рефлексии предшествовали существенные практические изменения, достижения, которые и приводили к неудовлетворенности формулами типа «таким образом, отсюда следует», «само собой разумеется, что» и другими подобными.

Частным случаем противоречивого взаимоотношения непосредственного и опосредствованного, проявляющего связи рационального и иррационального, выступает у Маркса категория *овеществление*. Он указывает на то, что опосредствования часто принимают форму овеществления: «В формуле «капитал-прибыль» или еще лучше, «капитал-процент, земля-земельная рента, труд-зарплата», в этом экономическом триединстве. Изображающем связь составных частей стоимости и богатства с его источниками, оказывается завершенной мистификацией капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношении производства с их исторически-общественной определенностью получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир...»⁷. В сложных системах человеческой деятельности складывающиеся общественные отношения опосредуются вещами, осуществляются при посредстве вещей. Неразличение характера такого опосредствования, того обстоятельства, что вещная оболочка общественных отношений и человеческой деятельности есть лишь посредствующее звено и сведение их к вещам, к этой вещной оболочке – все это ведет к непосредственному сращиванию, отождествлению и мистификации связей: соизмерение несоизмеримого (вещь и общественное отношение), иррациональность. Смысловой оттенок понятия мистификации соприкасается с содержанием понятия *непосредственное*, ибо мистификация и есть подмена сущности непосредственно данным (но фактически несущественным), что выступает как бы непосредственным явлением сущности (как будто она дается непосредственно), что невозможно, и в то же время есть на деле (непосредственная данность запредельного). Чаще всего, суть этого механизма в том, что посредствующий процесс опускается, замещается и на поверхности предстает «непосредственная» связь. В наибольшей мере этот механизм был прослежен Марксом в анализе ссудного процента: «В форме капитала, приносящего проценты, это качество (самовозрастание – В.Р.) проявляется непосредственно, без опосредствования процессом производства

и процессом обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения *Вещь* (деньги, товар, стоимость) как просто вещь, теперь уже является капиталом, а капитал представляется просто вещью: результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим самой вещи: от владельца денег, то есть товара в той его форме, в которой его всегда можно обменять, зависит, израсходует ли он их как деньги или отдаст в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и *в этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения*»⁸ (курсив мой – В.Р.).

И далее Маркс резюмирует суть перехода к иррациональному: «Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише получает свое завершение. В Д-Д: мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений... перед нами мистификация капитала в самой яркой форме»⁹.

Как видим, категории непосредственное-опосредствованное занимают важное место в анализе Марксом связи рационального и иррационального. Можно сразу же сказать здесь, что в современных исследованиях проблемы рациональности этим категориальным соотношениям уделяется крайне мало внимания между тем как эта пара категорий если не вскрывает тонкие механизмы образования таких форм иррациональности как мистическое, фетишизм, и т. п., – то, по крайней мере, нацеливает на это.

Однако при всей важности этих обстоятельств, явно и четко прослеживаемых в марксистском анализе «превращенных форм сущности капиталистического способа производства», мы должны исследовать собственное содержание категории иррациональное, как это виделось Марксу.

Следует обратить внимание на то, что с необходимостью существует два уровня рассмотрения. Первый уровень – это, как мы уже видели, объективные процессы многообразного

опосредствования в сложноорганизованных системах деятельности (например, производство материальных благ, распределение, обмен, общественные отношения и т. д.), то есть иерархически организованная система взаимосвязей и отношений людей и вещей, в которых имеют место процессы опосредствования, замещения, вытеснения (или в целом – превращения). Это объективно существующий слой реальности общественной жизни как таковой самой по себе.

Но есть второй слой, он играет не менее важную роль, ибо речь идет о взаимодействии субъективных стремлений и представлений. Однако этому плану Маркс также придает объективный характер, он говорит об «объективных мыслительных формах, в которых практически резюмируются определенные общественные отношения». Иррациональное не списывается на счет «дурной субъективности», вздорных продуктов произвольной игры фантазии, но рассматривается как закономерное образование: формирование иллюзий и заблуждений, извращенных представлений имеет под собой объективно закономерную почву.

Оба эти слоя постоянно представлены в том способе анализа капитала, который многообразно повторяет Маркс. Вначале – свершение превращения на основе многообразного опосредствования: «Движение, характерное для капитала вообще, – возвращение капитала к его исходной точке, – для капитала, приносящего проценты, приобретает *чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит*»¹⁰. Превращение уже имеет место до всякого его осознания, осмысления, простого отображения: в таком виде картина предстала бы всякому сознанию, решившему бы ознакомиться с ней. «В самих этих сделках, – стремится подчеркнуть и детализировать процесс Маркс, – *посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен*. Простая форма капитала деньги, которые затрачиваются в виде суммы $A+1/x$ A без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени – есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала» (курсив мой – В.Р.)¹¹.

Далее с этими реально совершившимися превращениями, со всеми замещениями и вытеснениями, имеют дело участники процессов производства, обмена, распределения и т. п. Но все они неизбежно выступают как частичные участники, которым открывается лишь определенная часть целостного процесса и потому, по мнению Маркса, они неизбежно строят превратное представление: «...распределение предполагает наличие этой субстанции, т. е. совокупной стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, *носителям различных функций процесса производства* дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме»¹². Характерно именно это включение в постижение любого процесса капиталистического общества позиции наблюдателя, которая формируется, тем не менее, совершенно объективно (методологическое новшество, которое сделается общенаучным лишь в следующем веке). Маркс продолжает: «Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а, следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно, происходят не только различные формы этой стоимости, достигающиеся в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода»¹³. С этой точки зрения, участники таких процессов ничего иного и не делают, как только в привычных им категориях отображают «реальное положение дел». Именно так характеризуется вульгарная политэкономия. «Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства»¹⁴. Однако в чем же раскроется иррациональный смысл таких доктринерских представлений?

Об иррациональности простого теоретического отображения такой реальности Маркс начинает говорить, переходя к указанию на то, что оно ведет к соизмерению в принципе несоизмеримого и выражению одного через другое в случаях, когда такое, с его точки зрения, невозможно: «...Она (вульгарная политэкономия. – В.Р.) нисколько не понимает, что триединство, из которого она исходит, земля-рента, капитал-процент, труд-заработная плата, или цена труда есть *prima facie* три невозможных компонента... Если под капиталом *понимается* определенная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то *prima facie*, является бессмыслицей то, что стоимость есть большая стоимость, чем она стоит. Как раз в формуле «капитал-процент» отпадает всякое опосредствование и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле»¹⁵.

Чисто внешне такие попытки выразить невыразимое и соизмерять несоизмеримое проявляются в противоречиях: конечные выводы и следствия приходят в неразрешимое противоречие с исходными определениями понятий и категорий. По мнению Маркса, наглядным примером является стремление вульгарной экономии искать «спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала»¹⁶. Вновь и вновь он подчеркивает такое толкование иррациональности: «Может показаться, что, по крайней мере, в формуле «труд-заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля-земельная рента», поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата или цена труда есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют

никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства»¹⁷.

В одном из писем к Энгельсу он повторяет как заклинание свой вывод: «Здесь обнаруживается, на чем основывается *характер представлений* филистера и вульгарного экономиста, а именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь*. Если бы, впрочем, имело место последнее, то зачем вообще была бы тогда наука?»¹⁸.

Характер таких представлений не устраивает Маркса по причине того, что они ведут в содержательном смысле к фетишизму (вещи наделяются сверхъестественными свойствами общественных отношений) и овеществлению общественных отношений, а с точки зрения формы – к противоречиям взрывающим логическую систему понятий изнутри.

Маркс предпринял попытку за взаимоотношениями вещей увидеть отношения людей: с его точки зрения, в обществе есть отношения между людьми и они опосредуются вещами, а не наоборот. Его критика направлена против фетишизма в рассмотрении общества и в этом она совершенно справедлива. Поэтому он стремится быть до конца последовательным в проведении этого принципа.

Однако иррациональность в этой логике проистекает от того, в сущности, что происходит не просто соизмерение несоизмеримого, – это лишь «слепок» с реальности «как она есть»: дело в том, что остановка обыденного, рассудочного сознания на фиксации этой реальности является основой более глубокого следствия – фактически неконтролируемого, стихийно навязываемого субъекту познания и действия *способа* воззрения и представления, который берется как данность.

Виртуализация, в сущности, оказывается не чем иным, как искусственно создаваемой знаково-символической системой (системами), при помощи которой производится «освоение» субъектом различных объектов деятельности. Только важно иметь в виду, что эта искусственная «реальность» зачастую наделяется свойствами «настоящей реальности» (в случае

придания ей значения (роли, функций) самостоятельной (автономной и самодостаточной)), области действительности – в таком случае субъект попадает в ловушку созданных им же самим фантомов (призраков) и принимает их за самую действительность (придуманные игры замещают действительность и тогда люди «заигрываются»).

Литература:

1. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., Т. 25, Ч. 2, С. 396.
2. Там же. С. 389.

3. Там же. С. 340.
4. Там же. С. 341.
5. Там же. С. 383–384.
6. Там же. С. 395–396.
7. Там же. С. 398.
8. Там же. Ч. 1, С. 431.
9. Там же. С. 432.
10. Там же. С. 383.
11. Там же.
12. Там же. Ч. 2, С. 389.
13. Там же. С. 389–390.
14. Там же. С. 383.
15. Там же. С. 384.
16. Там же.
17. Там же. С. 390.
18. Там же. Т. 31, С. 266.

Ушакова О.М.

РОЛЬ ПРОГРЕССА В ВОЗРАСТАЮЩЕМ РАЗРЫВЕ МЕЖДУ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ МЫШЛЕНИЕМ И ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА

Ушакова
Ольга Михайловна
аспирант ТГНГУ

Человек разумный, несмотря на разум как отличительную от иных существ черту, продолжает оставаться биологическим видом, можно сказать, что биологическая сущность выступает базисом для всех иных надстроек – поведения в социуме, саморефлексии и прочих проявлений человеческого. Обладая необычайно развитым мозгом, и, соответственно, развитым и сложным мышлением, человек может активно преобразовывать окружающую среду, порой очень существенно ее изменяя. Среда

обитания человека меняется: урбанизируется, большую роль в её формировании играют современные технологии, что и обуславливает изменение пространственного поведения. Все большие расстояния человек преодолевает с помощью самолета, поезда или автомобиля, тело его при этом остается малоподвижным. Город как среда обитания также диктует свои условия. Современные города представляют собой достаточно стесненное пространство, и это касается как публичных мест, недостаточно эргономично порой организованных, так и жилья, которое у большинства городского населения хоть и благоустроено, но дефицит площади довольно остро ощущается. Феномен «сидячей работы» – по большей части тоже городской.

Действующие в России нормы предполагают 17 м² жилого пространства на человека, зачастую и они не соблюдаются. Сейчас в России на одного человека приходится в среднем 19,7 кв. м. жилой площади. В странах ЕС – 36–40 кв. м., в США – более 70 кв. м. [5].

Возвращаясь к биологической сущности человека разумного, представляется разумным